

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РОБЕСПЬЕР!

Осторожно! Контент содержит сцены насилия. 21+

(Видеть несправедливость и молчать — это значит самому участвовать в ней. © Жан-Жак Руссо)

Ставлю банку с тремя мышатами на стол в беседке у дома.

— Отпад, так и знал, что ты их поймаешь, — восьмилетний брат садится на старую скамейку с давно облущенной краской. — Оставишь их у себя на чердаке?

— Ага, чтоб этот не добрался. Ну и дед тоже.

— Как скажешь, ты ж у нас старший, Русь, — соглашается Миша, поморщившись.

Никак не может свыкнуться, что я называю нашего пятилетнего брата Игоря «этот». Проводя пальцем по покрытой пылью столешнице, заключая в импровизированный круг трёхлитровую стеклянную банку с надписью ХОЗ, кивком головы указывает на клеймо.

— Три для троих. А?

— Что для троих? — спрашиваю, наконец падая рядом с ним на край скамьи. —

Двигай давай, там вон сколько места.

Миша передвигается и отвечает:

— Ну, три буквы для троих хвостатых. Давай дадим им имена на эти буквы?

Я люблю Мишу, как положено любить единственного младшего брата, но у меня их двое. Мама умерла при родах, оставив нам красного, кричащего монстра, который её убил. Мне тогда было семь, а Мишке и сёстрам (Тане и Аньке) по три. А ведь всё могло сложиться иначе: живая мама гораздо лучше, чем пятилетка Игорь, за которым нужен глаз да глаз. Почему погибла она, а не он? Почему? Я всегда удивлялся тому, что брат и сёстры не испытывают к мелкому ни малейшей неприязни. Наверное, это потому, что они толком не помнят маму. Не помнят, какой она была. Не понимают, чего нас лишили.

Да и папа бы не бросил нас, не уехал на заработки (где в итоге умер, попав под машину, спустя три года). Не распихал бы своих детей... Кого куда: нас троих — к деду по линии матери, который начал пить ещё со смерти бабушки, а сестёр (более благополучно) — в семью сестры, нашей тётки, у неё пока нет собственных детей. В глубине души понимаю, что иначе было нельзя, ведь на содержание пятерых спиногрызов нужна куча денег... Но привело это к тому, к чему привело. При жизни папа, конечно, не мог знать, что дед сопьётся окончательно после смерти дочери, забыв, что у него есть внуки.

— Давай?

Настырный вопрос возвращает меня в реальность.

— Идея.

— Тогда... Х — Хлебчик, О — Олав, и З — Зубрик.

— Олав — дурацкое имя. Может, Овод?

Миша задумчиво стучает по банке пальцем. Молчание — знак согласия.

— Пойду гляну, уснул ли дед, — поднимаюсь.

Входная дверь сразу ведёт на кухню, где дед Вова любит стражем заседать в компании бутылки веселящей. Опыт подсказывает мне, что с мышатами туда лучше

напролом не заявляться, если хочу их пронести в дом. На прошлый день рождения, когда мне исполнилось одиннадцать, я поймал улитку и сказал, что хочу оставить её у себя. Старик так разозлился, выхватил самодельный пластиковый дом с моллюском прямо у меня из рук и выбросил через форточку, разразившись после гневной тирадой, мол, такая пакость появится в доме только после его смерти.

С тихим скрипом заглядываю в дом, вижу спящего в кресле деда. Трость лежит у него в ногах. Путь чист. Можно заносить банку и прятать. Не прикрывая за собой входную дверь, разворачиваюсь обратно и... вижу в беседке мелкого. Наверное, притаился в кустах и ждал, вдруг отойду.

— В ручки не бери банку, — доносятся до меня предостерегающие слова Миши, когда Игорь тянется к моим мышатам, но банка стоит слишком близко к краю стола... И... БАХ!

Мелкий испуганно замирает.

— Что же ты! — первым приходит в себя Миша, вскакивая. — Горе луковое. Острое. Не ступай!

Он не без труда поднимает начинающего хныкать малыша, усаживает на скамью и переводит на меня извиняющийся взгляд.

Подхожу ближе. Изначально взгляд выхватывает осколки банки, а потом и трёх мёртвых хвостатых.

— Прости, это я всё... Не уследил... Край... — прижимает Игоря к себе, успокаивающе глядя по голове, как будто это он упал и разбился, а не банка с мышами. — Я уберу, честно, и поймаю тебе трёх новых!

Опускаюсь на корточки и легко касаюсь одного подрагивающего в предсмертных конвульсиях тельца. Я ничем не могу помочь. Ничем. Удар оказался слишком сильный для таких малышей.

Интересно, скольких ещё этот монстр убьёт перед смертью?

Поднимаюсь по лестнице на чердак, благодаря про себя правую негнущуюся ногу деда. Именно она обеспечила мне укрытие, до которого старик не может добраться. Трость — символ безопасности. На чердаке могу быть самим собой. Здесь спрятаны все мои сокровища. Забираюсь внутрь и прикрываю за собой люк. Сквозь утеплённое ватой и заклеенное бумажной лентой окно на чердак пробиваются закатные лучи солнца, освещая трухлявую книжную полку со старыми томами, пахнущими плесенью. Тут совсем не сыро, но раньше некоторые книги хранились в сарае, и запах никак не хочет уходить. Взгляд падает на недавнее пополнение коллекции всякой всячины: останки птенца, которого я подобрал вчера, сложенные в старую жестяную коробку. Клюв с характерным изгибом, так что, скорее всего, чайка. Бедняга. Нашёл рядом с ювелирной фабрикой, буквально в метре от стены. Рядом была машина, но кости оказались целы, так что вряд ли сбили. Выпала из гнезда, наверное. Помыл, содрал кожу. Это как курицу из магазина разделять, только с кишками и оперением. Отварил. Череп, челюсть, лапы, крылья, шея, грудина, киль, таз — вот такие дела. Выварилось, конечно, не всё. Нужно ещё доработать: убрать костный мозг, очистить от мышц, а в самом конце, перед сборкой, замочить в перекиси, чтоб отбелить кости, всё окончательно продезинфицировать, растворить ненужное. Потом уже можно собирать на каркас. Жаль, что это птенец, а не взрослая

птица. Череп мог остаться целым, а не развалиться. Да и рёбра тоже. В начале, правда, было немного жутко, но потом стало легче. Наверное, так и людей тоже привыкаешь разделявать.

Заваливаюсь на одеяло, разложенное на полу, закрываю глаза. Оно довольно большое, поэтому можно на часть лечь, а другой частью укрыться, если нужно.

Темнеет. Птицы щебечут за окном. Нужно включить свет, но не могу заставить себя подняться. Слышу, как по лестнице ко мне кто-то поднимается. Миша. Не хочу видеть его сейчас, да и вообще никого. Люк в полу открывается.

— Русь, ну не дуйся. Он же мелкий, — начинает было брат, но я отмахиваюсь, не открывая глаз, и он понимает, что лучше переменить тему.

Слышу, как Миша аккуратно прикрывает за собой люк, чтобы не разбудить спящего на кухне деда. Хотя, конечно, отсюда это сложно сделать. Если уж глухой стук от дедовой трости не доносится сюда, когда тот бродит по дому, непокрытому коврами, то и отсюда в дом звуки едва ли долетают. Плюс слух старика тоже уже подводит. Возраст всё же.

— Давай в картишки срежимся, а? — примирительно предлагает Миша, включая свет и садясь рядом. — Я мелкого занял внизу, машинки из фасоли на полу выкладывает, так что теперь-то можно какое-то время не беспокоиться. И дверь в дом закрыл на всякий.

Не хочу я играть. И говорить не хочу, но вслух произношу:

— Давай позже. Я немного почитаю и спущусь нам что-нить похавать готовить.

Мише явно не хочется уходить, но делать нечего. Когда читаю, привык, что меня никто не отвлекает. Брат знает это негласное правило.

— Совсем не похоже на птицу, — поднимаясь, размышляет вслух.

Могу поспорить, что он неодобрительно поджимает губы. Мне не нужно открывать глаза, чтобы понять, что Миша смотрит на останки в ржавой железной коробке. Брат не любит ничего, связанного со старухой с косой. Это и неудивительно. Люди часто боятся смерти. Но для меня в ней есть своё очарование.

— А это больше и не птица, — соглашаюсь. — А теперь — брысь, иначе сам будешь ужин готовить.

— Ладно тебе, не кипятись, уже сваливаю.

Люк открывается, а через мгновение снова захлопывается, чуть громче, чем следовало. Это вызывает улыбку.

Я потягиваюсь и открываю глаза. Лампочка на проводе свисает с низкого потолка, освещая скромные пожитки. Судорога хватает ногу, и я морщусь от боли. Резко поднимаюсь, чуть цепляя головой потолок. Опираюсь на носок внезапно потяжелевшей ноги всем весом. Боль потихоньку уходит. Это всегда помогает. Когда становится немного легче, начинаю неторопливо мерить шагами чердак. Теперь всё отлично.

Подхожу к книжным полкам. Даже брат не знает, что некоторые экземпляры я украл из городской библиотеки. Пф. Это оказалось так просто! Только и стоило зайти в библиотеку с портфелем наперевес, попроситься лично походить между стеллажей, чтоб выбрать книгу. Старые горгульи не посчитали меня подозрительным. Без вопросов впустили, даже не заставив оставить портфель у них. Правда, к тому времени, конечно, они хорошо знали меня в лицо. Разве может опрятный, хоть и бедно одетый, одиннадцатилетний мальчуган, который (уже на протяжении года) каждую неделю берёт у них по книге и всегда возвращает строго в указанный срок, что-то украсть? Да это просто невозможно. Точно ведь берёт книги для родителей. Такие серьёзные книги. Такой

маленький мальчик. Как иначе? Сложно даже представить, что он может что-то своровать. А вот очень даже зря. И книги я брал ни для кого-то, а для себя. Первый раз, конечно, было очень стрёмно. Казалось, что библиотекари сейчас всё прочитают на моём лице, попросят открыть портфель и показать им. Или каким-то образом почувствуют контрабанду. Может, у них особая связь уже с этими всеми книгами, потому что кажется, будто старухи сидят там испокон веков.

Я уже год как не ворую. Не стоит испытывать судьбу. У меня и так собралась личная мини-библиотека. Венцом коллекции стала одна из первых полученных книг, когда-то заброшенная бабушкой гнить в сарай, а сейчас лежащая на почётной первой полке — «Робеспьер» Якова Михайловича Захера, М.-Л.: государственное издательство. 1925 г. Помню, как смеялся над забавной фамилией автора, впервые наткнувшись на неё. Захер. Надо же! За хер. Ха-ха. Мысленно поблагодарил тогда боженьку, что я всего лишь Кузнецов, но всё же отложил историческую книгу, чтоб почитать. Уже в тот момент она необъяснимо потянула меня к себе. Но разве мог я знать, что эта книга перевернёт мой мир? Разве мог знать, что я сам Робеспьер нашего времени?

А как иначе объяснить то, что наши судьбы совпадают почти точь-в-точь? Я, как и он, старший из детей. Наши мамы умерли при родах, а отцы погибли через три года после. У меня, как были когда-то и у него, есть две младшие сестры, которые живут с тёткой по линии отца. Нас с братьями определили на воспитание старику по маминной линии, как в своё время отдали Максимильена с братом Огюстеном на попечение их деду (Жаку Карро). Разве совпадение? Не верю я в совпадения! Это моя вторая жизнь на земле. Второй шанс. И нужно его использовать.

В сложные времена всегда появляется человек, в итоге делающий то, что необходимо, на что у остальных не хватает духа. Кто-то же должен, в конце концов. Ну и пусть, что такую сильную личность осуждают после. Народу всегда нужен объект для ненависти — злодей, которого все будут презирать. Этого не изменить. Максимильен тому яркий пример. Он подарил людям свободу от монархии, возможность равенства. Да, чтобы подобного достичь, пришлось пойти на немалые жертвы. Для постройки чего-то нового, увы, важно до основания разрушить привычное старое. Иначе всё без толку. Необходим новоявленный, основательный фундамент. И если смерть нескольких сотен людей спасёт жизни тысяч, то это хорошая сделка, кто бы что там ни говорил. Главное ведь — конечный результат. Наследие.

А в чём будет заключаться моё наследие? Какое назначение у меня? Что-то внутри подсказывает, что мне предстоит внести вклад, сделать планету хоть немного лучше. Не знаю, при каких обстоятельствах проявлю себя, потому что сейчас жизнь кажется беспросветной ямой. Но когда-нибудь всё обязательно изменится. Верю в это. Просто чувствую. Это предначертанное. В стремлении к совершенству состоит смысл существования.

Однако мне никак не даёт покоя отличие между мной и Робеспьером. Игорь. Почему он не умер ещё двухмесячным, как второй брат Максимильена, которому даже не успели дать имя? Почему убийство мамы остаётся безнаказанным? Волна жгучей неприязни и непонимания накачивается, сжигая изнутри. Это всё так неправильно. Пазл не сходится. Я что-то упускаю. Но пока не понимаю, что именно.

Дед умер жарким летним днём, за полторы недели до моего семнадцатилетия. Сердце не выдержало. Так и помер в своём любимом кресле на кухне, перед старым телевизором, окружённый четырьмя литровыми бутылками водки. Одна так и осталась недопита. Сделал подарок ко дню рождения, можно сказать. Самое удивительное, оказалось, что я любил его. Как бы абсурдно это ни звучало, ведь он нами почти не занимался, а той части пенсии, которую старик отрывал от сердца (а вернее, у продавщицы в алкомаркете), едва хватало на учебные принадлежности и одежду из самого дешёвого в округе секонд хэнда.

Этот год знаменательный: обещает многое изменить в наших жизнях. Моё поступление в университет, разлука с братом, которого тётка (Галина Станиславовна) решила взять к себе. За последние годы выяснилось, что она бесплодна. Муж ушёл от неё к другой женщине, которая спустя полгода забеременела от него. Танька и Аня говорят, что тётка перенесла уход мужа тяжело, но сейчас уже почти оправилась. Сёстрам дядя Олег никогда особенно не нравился, слишком уж хладнокровный тип, как они выражались, и совсем не ценил боготворившую его жену. Стабильная, высокооплачиваемая работа стоматолога позволяет Галине Станиславовне не задумываться о том, на что ей и племянницам (а теперь уже и двум племянникам) жить, хотя похороны деда сильно ударили по карману. Как оказалось, а я в этом ничуть не сомневался, дед Вова ничего не откладывал себе на похороны, как делают многие старики. Умирать никогда не было дешёвым удовольствием.

— Думал, наверное, что будет жить вечно, — фыркнула Галина Станиславовна, узнав об этом. — Чем только занимался? Дом наладом дышит, огородом никто лет сто точно не занимался. Земля просто каменная. Одни сорняки и одичавшие яблони, груши вокруг. А от внуков так вообще одни скелеты остались.

Странно видеть эту ухоженную женщину на нашей обшарпанной кухне.

— Он пил, — смотрю на неё немигающим, прямым взглядом, опираясь плечом о косяк входной двери.

Мы оба знаем, что ей это давно известно. Именно поэтому она не отпускала сестёр к нам на летних каникулах и ни на каких других, оправдываясь по телефону путёвками в детские лагеря, которые якобы достались ей совсем по дешёвке. Или тем, что девочки сильно отстают по учёбе и им непременно нужно всё лето заниматься с репетиторами. Ну, и так далее. Частично она не врала, конечно. Сёстры и правда часто ездили куда-то отдыхать, занимались с репетиторами, ходили на танцы, маялись всякой прочей ерундой, положенной детям их возраста. Но я ни за что не поверю, что они не смогли приехать к нам хоть на недельку за последние десять лет.

Июльский ветерок приятно ерошит волосы. Сорокалетняя, но всё же хорошо сохранившаяся, Галина Станиславовна нервно ёрзает на деревянном табурете, на котором обычно сидит Игорь, стараясь быть как можно дальше от деда. Больше не от кого отодвигаться. Старика больше нет. Да и нас скоро здесь тоже не будет.

Я благодарен тётке сильнее всего за то, что она заберёт десятилетнего монстра подальше от меня. Как я и предполагал, Игорь с каждым годом становится всё более жестоким. На маме и мышатах дело не закончилось. Постоянные драки в школе, прогулы, издевательства над животными... Никогда не забуду, как ко мне не так давно пришла пожилая соседка. Старушка со слезами на глазах умоляла как-то повлиять на мелкого паршивца, потому что на соседней улице почти не осталось неискалеченных бездомных котов. Все без хвостов. Игорь с двумя однокашниками, такими же малолетними

чудовищами, вот так развлекаются после школы. Чужая боль и кровь приносят им удовольствие. Мишка, тоже не знавший об этом пристрастии младшего, ужаснулся, когда услышал, но всё же попытался найти оправдание. Мол, всё из-за недостатка любви, и если бы я мог относиться к брату чуточку добрее, то, может быть... Не может. Нет. Знаю чётко, как и в раннем детстве. Человек может стать монстром, а вот монстр человеком — нет. В тот раз я впервые выпорол Игоря дедовым старым ремнём, что, впрочем, ничего не изменило. Думаю, он с друзьями просто перекочевал зверствовать в другие районы, где они всего лишь залётные ребята, о которых никто ничего не знает. Но перед тем, правда, насмерть забили камнями домашнего кота соседки, просившей на них повлиять, о чём мы с Мишкой узнали совсем недавно. Игорь упорно отрицает причастность к этому, но я, конечно, не верю. Вижу в его взгляде вызов и торжество, которые никак не скрыть. Гордится собой, наверное. А меня рвёт на части от неудержимого желания удушить его. Не понимаю, как Мишка не замечает, что рядом с нами живёт сущий дьявол? Неужели братская любовь может быть настолько слепа? Он ведь Игоря с самого детства защищает. Иногда мне кажется даже, что любит уродца больше, чем меня. Отгоняю эту мысль. Глупости. Мишка просто слишком добрый. Всегда таким был. За это я и люблю его так сильно.

Мысль о том, что Игоря больше не будет рядом, греет душу. Однако то, что рядом с ним останутся сёстры и брат, оседает на сердце неприятным осадком. Надеюсь, что Галина Станиславовна достигнет в его воспитании лучших результатов, чем я. Хорошо бы держаться с ней самую малость обходительнее, а то вдруг и вовсе передумает обременять себя ещё двумя детьми. А Мишке она нужна. Ох как нужна. Примирительно добавляю:

— Спасибо, тётъ Галь. Не знаю, что бы мы без вас делали. У нас ведь и не осталось больше никого.

— Ну что ты, Русь, — лицо тётки становится ещё более виноватым. — Мы же родня. Да и ты вон какой умница: дай-то бог на бюджет поступишь. Выучишься, устроишься на работу, на ноги встанешь. Всё переживём. Да и девочки умнички у нас. Отличницы круглые. А братьев мы подтянем по учёбе, за это можешь не волноваться. Тебе нужно сейчас о своём будущем думать. Ты уж прости, что не сильно участвовала в жизни-то вашей. Сам понимаешь, работа, дом, хлопоты всякие. Но ты знай, что тебе есть к кому податься. Помогу, чем смогу. Деньги там, на первое время. Или случится если чего. Не чужие ведь.

Мне начинает казаться, что мы могли бы поладить, если бы знали друг друга лучше.

— Спасибо, но пока всё своим чередом. Вы за мелкими приглядите только. Мишка вон футболом болеет. Ему бы тренера хорошего, так спортсменом станет. И суп он любит. Гороховый. С сухарями. Это ему лучше любых поощрений.

Запинаюсь. Наверное, со стороны это выглядит странно, но мне прямо сейчас хочется рассказать о нём всё, чтобы тётка знала его так же хорошо, как я сам. Кажется, разлука с ним дастся тяжелее, чем можно было предположить. Прокашливаюсь и перевожу тему:

— И за бардак простите уж. Знаю, что вы с девочками к такому не привыкшие.

Я, конечно же, убрался перед их приездом, но кажется, что дом сам против даже минимальной чистоты: сколько ни убирайся, а разруха никак не становится ни на йоту меньше.

— Об этом даже не беспокойся. Да мы здесь и не задержимся надолго, только до похорон. Если хочешь, можешь тоже с нами уехать. Поживёшь у нас до начала учёбы. А в

том, что ты поступишь, у меня даже сомнений нет, если честно. Мишка вон рассказывал, что у тебя в школе одни пятёрки были. Даже на золотую медаль вытянул! Мы тебе тогда с заселением в общежитие поможем заодно. Но можешь, конечно, и здесь остаться с братьями. До конца лета. С домом попрощаться, так сказать, — при этих словах она обводит взглядом кухню, в явном сомнении, что эти голые стены могут хранить хоть сколько-нибудь хорошие воспоминания для ребёнка.

— Да нет, это лишнее. А с заселением и помогать-то нечем. У меня вещей не так много. Игоря забирайте, чтоб быстрее осваиваться в новом доме начал, а Мишка... Если он захочет остаться до конца лета, то я только рад буду, а нет, так что ж. Ему уже тринадцать. Сам может решать.

— Ну, тогда решите между собой. Поговорите по-братски, — поднимаясь, подвела итог диалога Галина Станиславовна, откидывая прядь волос со лба. — Поеду я, наверное, прикуплю продуктов, а то в холодильнике шаром покати.

Проходя мимо, она легонько треплет меня по волосам и оставляет одного на кухне.

Пора, наверное, пойти к девчатам, посмотреть, чем там они маются. Выхожу на улицу. Июльское солнце припекает макушку.

— Русич, иди к нам, — через мгновение машет мне Аня из беседки, а Таня одаряет лучезарной улыбкой. Мишка озадаченно чешет затылок, смотря в свои карты, а десятилетний Игорь, сидящий между сестёр, поднимает на меня взгляд, но тут же отводит.

Аня так похожа на маму: те же светлые волосы, прямой, аккуратный нос и зелёные глаза. Таня же пошла в отца, как и мы с братьями: сероглазая, темно-русые волосы и нос чуть вздёрнут. Сёстры явно не испытывают ни малейшей скорби из-за дедовой смерти. Впрочем, девочки его и не знали.

Как же они выросли! Уже совсем взрослые. Скоро от женихов отбоя не будет. Даже не верится, что Мишка одного с ними возраста. Я привык считать его ребёнком.

— В дурака режитесь? — бросаю на ходу, невольно люблюсь сёстрами в лёгких, летних платьях, мысленно стараясь вычеркнуть Игоря из общей семейной картины.

Девчата украшают собой даже эту ужасную беседку, окружённую сорняками.

— Тут же больше особо нечем заняться, вот я и предложил, — отзывается Мишка, пожимая плечами и поднимая на меня взгляд.

— Это точно, — соглашаюсь, подходя к нему со спины.

Карты у него так себе. Ни одного козыря. Я понял это ещё до того, как подошёл, по его озадаченному виду. У него всегда всё на лице написано.

Нужно спасти ситуацию.

— Примете ещё одного игрока за ваш круглый стол?

— Конечно. Спрашиваешь ещё, — кивает Таня, когда я сажусь рядом с Мишой.

— Тогда давайте всё по новой.

Мишка благодарно хлопает меня по плечу, сбрасывая карты в общую колоду.

Как и предрекла тётка, проблем с моим поступлением на бюджет не возникло. Я оказался вторым в списках рекомендованных к зачислению на двух направлениях (филология и психология) в нашем городском университете. Ещё четвёртым на историческом (в другом городе), но там заломили слишком большую сумму за

общежитие, которой у меня попросту не было.

Мишка остался со мной до конца лета, а потом пришлось его отпустить и самому начинать сборы пожитков. Галина Станиславовна таки всунула мне после похорон деда конверт с приличной суммой на первое время, тем самым заранее поздравив с днём рождения и с поступлением на филологический, на котором я остановил выбор. Мои неловкие попытки вернуть деньги оказались абсолютно тщетными. Плюс такой старт, безусловно, как нельзя кстати. Когда я узнавал о тонкостях общажной жизни, выяснилось, что при заселении нужно заплатить сразу за первые полгода проживания, а потом уже можно платить помесечно. Моему возмущению просто не было предела. Вот же... вымогатели! Но ничего не попишешь. Вынь да положь.

После того, как расстался с большей частью содержания бесценного конверта, у меня остались деньги только на пару месяцев скудного пропитания, новые брюки, куртку и свитер. Ну, почти новые. Из секунд хэнда, конечно же. Старое всё так изнашивалось, что дальше терпеть было просто некуда. А первое произведённое впечатление — это очень важно.

В небольшой комнате общежития: три кровати, три стула, три тумбы, три настенные полки для книг (в каждой по четыре секции) и холодильник. Огромное окно, что мне очень нравится! Но больше всего меня волновали соседи. Далекое не каждому студенту с ними везёт.

— Физкульт-привет, братишка, — здороваются с незастеленной койки очень худой темноволосый парень (чуть выше ростом, чем я, наверное), помешивая сахар в чае.

Окидывает меня беглым оценивающим взглядом. Ничуть не смутившись, уверенно захожу и занимаю одну из двух пустующих кроватей.

— Привет.

— Надеюсь, ты бухаешь, куришь и любишь всякий кипишь?

— Нет, — улыбаюсь, расслышав нотки надежды в его вопросе.

Расстёгиваю сумку с вещами. Нужно всё разложить по местам и наконец пообедать. Я голоднее волка.

— Какая жалость. Тогда вся наша надежда на третьего, потому что лично я хочу отрываться от души.

— Да? — спрашиваю без особого интереса, чтобы поддержать разговор.

Не стоит портить отношения с одним из тех, с кем предстоит прожить следующие четыре года бакалавриата. А может и дольше, если удастся пробиться на бюджет в магистратуру.

— Конечно. Это же студенческая жизнь. Нужно трахать девок, отрываться — жить на полную катушку. Потому что когда, если не сейчас?

Слишком много откровений за последние пять минут. Похоже, что с этим скучать не придётся. Относя вопрос к риторическим, ничего не отвечаю.

— Я Бодя, кстати, — наконец представляется он, протягивая руку для рукопожатия, а я протягиваю в ответ свою. — Факультет физ. культуры и безопасности жизнедеятельности.

Рукопожатие у него крепкое.

— Русь, — представляюсь, решив, что направление он выбрал правильное. — Но о безопасности ты и думать не хочешь, да?

— Ага, — улыбается сосед, наконец надсёрбывая парующий чай. — В точку. Дай

угадаю, ты у нас, часом, не из психов?

— По-любому из них, но выбрал филологию.

— Скука смертная. Но для меня это даже лучше ведь, как для соседа. Спокойнее, что ли. Не будешь на мне всякие свои штучки-дрючки психологические тестировать. Думаю, мы уживёмся.

Как ни странно, у меня тоже в этом нет сомнений.

С третьим соседом повезло меньше. За три дня до начала учебного года к нам подселили Гришу Гриба (с художественно-графического факультета). Оказался торчок. Думаю, что даже Бодя рассчитывал немного на другое веселье. В первый же день учёбы новый парнишка вусмерть обкурился и не пошёл на пары. Не знаю, надолго ли он задержится в универе.

Первый учебный день прошёл, на удивление, хорошо. Меня выбрали старостой, а рядом со мной села девочка, красивее которой я ещё не встречал. Густые чёрные волосы, заплетенные в длинную косу до пояса, и добрые голубые глаза. Её зовут Полина. Гагацева Полина Андреевна. Мне хочется узнать о ней больше. Мне хочется знать о ней всё. После первой пары пришлось задержаться дольше всех, потому что скрыть каменный стояк (и это от одного только её присутствия рядом!) трудно. Сделал вид, что копошусь в сумке с книгами, но краем глаза заметил, что она в дверях бросила на меня беглый взгляд, от чего сердце забилося вдвое быстрее. Неужели Полина тоже меня выделила?

Когда наконец все вышли из аудитории, я попрыгал на месте, походил взад-вперёд, немного успокоился. Твёрдо решил, что так дело не пойдёт. Нужна разрядка. Вышел и напрямик направился в туалет. Член снова начал подниматься, как будто умоляя взять его в руку, что я и сделал. Передёрнув три раза подряд, почувствовал, как затряслись от слабости ноги. Как бы я хотел, чтобы вся эта сперма была в ней.

Вытер член, выкинул использованную влажную салфетку в мусор. Смыл унитаза. Надел трусы, штаны. Помыл руки. Сделал всё это на автомате, потому что в мыслях уже мчался на следующую пару. К ней. На мгновение такая внезапная, ярая одержимость человеком испугала меня, но я тут же отмахнулся. За все семнадцать лет мне пока не приходилось влюбляться. Это впервые. Если честно, раньше я не особо верил в любовь с первого взгляда, но теперь получил неоспоримое подтверждение, что она всё-таки есть!

За целый день мы перекинулись с ней только парой фраз. И в обоих случаях я чувствовал себя полным придурком.

Лёжа ночью на правом боку и воссоздавая по крупницам в памяти прошедший день, невольно корю себя за то, что блеял рядом с ней, как фирменный баран.

— Псс. Руслан?

Ненавижу, когда меня называют полным именем. Неохотно отворачиваюсь от стены, поворачиваясь к Бодю.

— Спишь?

Глупый вопрос.

— Пытаюсь, — отвечаю, желая поскорее от него отделаться и начать планировать, что я скажу Полине при встрече завтра.

— Как думаешь, этот бедолага на утро не окочурится? Мне кажется, что он ещё и среди дня дунул, когда нас не было. А, может, и принял ещё чего...

— Может... В смысле, что дунул, принял. А вот насчёт дать дуба — надеюсь, нет. А то проблем не оберёмся. Нафиг надо.

— Ага. Да и ссыкотно как-то. С трупом-то ночь в одной комнатухе провести. А чё если реально мы это, а он того... Мне чё-то кажется, что он дышать тяжелее стал...

— Да думаешь, он в первый раз, что ли? Ничего с ним не будет, — говорю с большей уверенностью в голосе, чем ощущаю на самом деле. — Спи давай. А на утро дадим ему подсрачник и водичку с лимончиком... Или что там ещё торчкам дают?

Раздражённо отворачиваюсь к стене. В одной комнате всю ночь с трупом. Пф. Я же вот в одном доме с мёртвым дедом до утра проспал, и ничего. Жив остался. Покойник не встал, не задушил никого во сне. На душе внезапно становится так гадко, что начинает подташнивать. Всё хорошее в момент испарилось. Перед глазами гроб, а в нём дед, в лучшем своём костюме, который при нас он никогда не надевал. Повода не было, а вот после смерти — нашёлся.

Бросаю горсть земли на гроб матери. Вижу, как опускают в яму закрытый гроб отца...

Ворочаюсь. Интересно, а где Гришкины родители? За три дня как-то мало удалось о нём узнать.

Нет, не могу я так. К чёрту. Поднимаюсь. Подхожу к нему. Ощупываю лоб. Горячий. Чёрт, чёрт, ЧЁРТ! Ну вот на кой мне это всралось? Включаю свет. Бодя сидит у себя на кровати, обхватив ноги руками. Подойти не решается, и я его понимаю. Окунувшись в радужные воспоминания, я не услышал, что состояние Гриши намного ухудшилось с того момента, как мы с Бодей поужинали и легли. Дыхание парня и правда стало реже, и как будто тяжелее. Уж больно хреново выглядит. Потный весь, бледный. И руки трясутся... Беру полотенце, смачиваю питьевой водой из бутылки, оставленной на тумбе у его кровати. Кладу ему на лоб. Он начинает тихо, хрипловато постанывать. Из уголка рта стекает пена.

В глазах Боди отражается мой страх. Внезапно сипло говорю:

— Скорую. Быстро!

Гришку едва откачали. Ему очень повезло. Он действительно не только накурился, а и принял какую-то пакость в большой дозе. Последствия вполне могли оказаться летальными. Его поставили на наркологический учёт. Теперь он не может получить право на вождение машины и на ношение оружия. Не думаю, что что-то из этого в ближайшее время ему понадобится бы, конечно. А вот с поиском подработки, если захочет устроиться, будут проблемы. Но, коли Гришка всё-таки возьмётся за голову, будет в течение года поддерживать связь со своим участковым наркологом, то всё наладится, и с учёта его снимут. А пока, пусть скажет спасибо и на том, что скорая приехала без отряда ментовки, иначе проблем было бы в два раза больше. И у него, и у нас.

Гришу оставили в больнице на пять дней. Мы с Бодей навещаем этого придурка.

— Да я в стельку обкуренный был. А этот накиннул, мол, на, держи. Первый раз почти даром. Зато приход такой будет, что закачаешься. Оно, типа, усиливает эффект от травки. Или что-то в этом духе.

Больше он ничего не объяснил, каждый раз меняя тему, когда мы пытались расспросить его.

Один раз мы столкнулись с его матерью. Низкая, чуть полноватая женщина, примерно лет тридцати пяти — Лидия Петровна. Прямо чёрная вся, с опухшими глазами.

— Гришка мне рассказал, что это вы помогли, — чуть запинаясь, проговорила она. — Спасибо. Он хороший мальчик, с детства был таким. Но я ведь его одна растила... Наверное, ему сильной руки не хватило, авторитета. Со мной ведь не обо всём поговорить можно. Мальчик.

Глаза Лидии Петровны заслезились. Я почувствовал себя ещё более растерянным, чем в ту ночь, у кровати её сына. Никогда не умел успокаивать. Слезы вводят меня в ступор.

— Знать бы, с кем он спутался, у кого покупает. Своими руками задушила бы.

Кивнул, потому что чувствовал то же самое. Ну, вернее, почти. Она же мать всё-таки. За сына. А я бы придушил этих уродов за всех таких Гриш, имён которых не знаю.

— Ладно, пойду я. А вы, по возможности, приглядывайте за ним. Знаю, что прошу о многом, но он всё, что у меня есть. Мне кажется, вы хорошие ребята. Может, и этот дурень попадёт под ваше влияние. Одумается наконец.

Она крепко обняла сначала меня, потом Бодю, и ушла.

По учёбе всё тип-топ. Гораздо интереснее, чем школьная программа. Да и внеуниверсальная жизнь идёт как по маслу. На четвёртый учебный день я таки осмелился пригласить Полину погулять в парке.

Покупая попутно батон для птиц, а нам по батончику сникерс, поправляю съехавшую шапку, без угрызений совести выбрасываю всё лишнее из головы. Отдых заслужен.

— А не хочешь записаться на стихотворение? — склоняет голову набок Полина, когда мы переходим дорогу, чтобы оказаться у входа в парк.

— Это ж Виталий Артёмович проводит?

— Пискунов, да. Он нам за участие приписывает дополнительные баллы. Но я бы и так ходила. Мне нравится.

Дополнительные баллы по истории зарубежной литературы — звучит заманчиво. Но ещё соблазнительнее — возможность проводить больше времени с Полиной. Узнавать, какие поэты ей по душе, что она читает из прозы. А, может, даже показать когда-нибудь собственную коллекцию книг, которая имеет для меня особое значение.

Твёрдо решаю записаться.

(Да кого я обманываю, предложи она мне пойти с ней даже на кружок вязания, я бы колебался не дольше секунды.) Вслух произношу:

— Со следующей недели уже.

— Здорово!

Улыбка Полины освещает пасмурный сентябрьский день. Какая же она красивая. Просто красавица! Смахиваю сухой листик с капюшона её синтепоновой куртки.

Находим пустую лавочку и начинаем крошить хлеб. Через пять минут у наших кроссовок уже шестеро голубей и один воробей. Мне всегда нравилось кормить птиц. Почему-то вспоминаю скелетик птенца чайки, который решил оставить на чердаке в дедовом доме, когда собирал сумку для переезда в общагу. Отгоняю некстати всплывший образ. Что-то мне подсказывает, что Полина не захочет слушать о том, как я в двенадцатилетнем возрасте сдирал шкуру с мёртвого птенца.

— А у меня дома попугай есть, — нарушает она затянувшееся, наверное, молчание.

Плохой из меня собеседник. Или это только с девушками?

— Да? — туплю в ответ.

— Волнушка. Точь-в-точь такого же зелёного цвета, как вот эта моя куртка.

Указывает аккуратным ноготком на свой рукав.

— Круто. А мы с братом хоть и жили в своём доме, но питомца у нас не было. Только котов соседских и бродячих иногда удавалось поймать, поносить на руках.

— Старший или младший брат? Классно, наверное, быть не единственным ребёнком в семье. Всегда мечтала о сестрёнке или братишке. Но родители пока что не решаются.

— Младший, — отвечаю. — У меня две сестры есть ещё, тоже младшие.

Об Игоре намеренно умалчиваю. Не брат он мне. И не был никогда. Убийца не может быть мне братом.

Хочу проводить Полину на гимнастику после стихочтения, но Виталий Артёмович останавливает меня:

— Руслан, останься. Поможешь.

Уже на протяжении месяца хожу на его дополнительные. Совсем не хочется портить с ним отношения, отказываясь помогать, как бы ни хотел провести больше времени с Полей.

Этот препод не вызывает у меня симпатии. Есть в нём что-то плохое, чего не могу понять. Просто чувствую и всё.

Небольшая группа литературолюбов и просто охотников за дополнительными баллами (в соотношении пятьдесят на пятьдесят, примерно), состоящая всего из восьми человек, не предполагает скрытность. Все стараются подстраиваться друг под друга. Соответственно, хочешь или нет, каждому приходится выкладывать свои планы другим, чтобы сформировать на месяц общий график, удобный для всех. Так что Виталию Артёмовичу хорошо известно, что сегодня я никуда не спешу. Можно придумать какую-то отговорку на скорую руку, конечно, но я в таком не силен. Убедительно врать в лицо — не входит в список моих талантов, а достаточно веской причины откосить нет. Приходится остаться.

Посылаю извиняющуюся улыбку Полине. Она понимающе кивает, мол, никаких обид. Машет рукой и убегает на тренировку.

Проклинаю про себя чёртовы девять сборников стихов Байрона. Да и вообще! Брать каждый раз книги из библиотеки перед занятиями? Что за бред? Мы же целую неделю рассматриваем творчество каждого автора! Не-де-лю. Почему бы просто каждому не взять себе по книге? Странно, что никто ещё не предложил такой вариант. Это же логично. Даже само собой разумеется. Тогда бы никому не приходилось оставаться после занятий и помогать преподу относить книги обратно в библиотеку, забирая у себя время, а, может, даже... первый поцелуй!

Да, чёрт возьми! Я ещё ни разу не поцеловал Полину. Мне хочется, даже иногда слишком, но страх быть отвергнутым всегда останавливает. Вдруг она воспринимает меня только как друга? Вдруг я налажаю, потому что ни с кем до этого не целовался? Как бы хотелось, чтобы это всё было для меня не впервой! Но мысль о том, чтобы обжиматься с кем-то, кроме Поли, — просто омерзительна в корне. Недопустима.

— Оставь сумку. Неудобно же будет. Лучше потом вернёшься за ней, — вырывает меня из угрюмых размышлений голос преподавателя.

Да, спешить уже некуда, так что он прав. Оставляю сумку с учебниками на парте и иду в библиотеку.

За окном начинает темнеть. День потихоньку идёт на убыль. В универе никого нет. Даже библиотека вот-вот закроется. Ещё бы! Без десяти семь! А вечерней формы обучения у нас нет. Только дневная и заочная.

Захожу в библиотеку универа. Пожилая женщина, Тамара Семёновна, лет шестидесяти, по-доброму улыбается мне, уже явно собираясь домой. Тщательно завитые на бигуди короткие волосы придают ей слегка задорный вид.

— Сегодня запрягли тебя? — подмигнув, принимает треклятые девять сборников и что-то записывает у себя. — Умнички, что делом занимаетесь, а не как всякие там, за гаражами трущиеся. Люди из вас выйдут, не то что из тех.

Почему-то вспоминаю при этих словах о Гришке. Становится неприятно. Он, наверное, часто за гаражами бывает. Нехорошо так сразу крест на человеке ставить. Неправильно. Разные случаи бывают.

Вежливо прощаюсь с ней и иду обратно. За сумкой.

Подхожу к аудитории. Дёргаю дверную ручку. Закрыто. Блин. Точно. Эта дверь же заклинивает: если захлопнется случайно (как это часто бывает), то только ключом открывать, если стоишь снаружи аудитории. Стучусь, очень надеюсь, что Пискунов ещё не ушёл. Не хочется спускаться на первый этаж к консьержке. А вдруг она тоже свалила?

Слышу приближающиеся изнутри шаги и облегчённо вздыхаю.

Дверь открывается.

— Захлопнулась, — констатирую факт. — И не починит же никто.

— Да, — каким-то странным тоном отвечает Виталий Артёмович, бросая задумчивый взгляд на преподавательский стол, на котором всё осталось ровно так же, как когда я отсюда выходил.

Домой не собирается? Какой-то он сегодня странный, ей-богу. Вернее, страннее, чем обычно.

Поворачиваюсь к парте, чтобы забрать сумку.

— У тебя дырка на кофте. Зашить нужно.

Он двумя широкими шагами сокращает расстояние между нами, оказываясь у меня прямо за спиной.

— Вот тут, — добавляет, прикасаясь к моему плечу.

К своему ужасу, слышу, как дверь снова захлопывается.

Сбрасываю оцепенение. Пытаюсь резко отступить в сторону, но его руки сдавливают меня стальным обручем, прижимают лицом к стене.

— Не вздумай кричать, — шепчет, касаясь потрескавшимися губами мочки моего уха.

Чувствую его учащённое дыхание. Даже если бы мог кричать, меня бы, наверное, никто не услышал. Но я не могу. Страх лишил возможности пошевелиться или издать какой-то звук.

Пискунов намного сильнее, выше. И хорошо физически развит.

— Ты ведь мечтал об этом, да? Скажи! Дрочил по ночам, представляя, как я вхожу в тебя?

Одна потная рука скользит ко мне в брюки, указательный палец нацелен в анус, а вторая — всё так же крепко сдерживает меня, не давая возможности ускользнуть.

Начинаю вырываться, что есть силы наступаю ему на ногу. Но боль лишь сильнее возбуждает его: чувствую, как твёрдый член упирается мне в спину.

— Любишь жёстко, да? Хочешь, чтобы насильно вставил?

До крови кусает меня за ухо. Сдавленно ахаю, когда его палец входит в меня. Это действует на него... как опускающийся флажок на старте.

Все мои усилия вырваться тщетны. Я для него не сильнее мухи.

Он с силой стаскивает с меня штаны, расстёгивает свою ширинку и резким движением полностью входит в мой анус.

Выгибаюсь от боли и теряю сознание.

— Я не понимаю. Ты не ходишь в универ уже вторую неделю. Ты же слетишь со стипендии. А она нужна тебе, чтоб за общежитие платить! И на питание то же.

Бодя с Гришей позвали Полину, надеясь на то, что она сможет вытянуть из меня хоть слово. Но её присутствие делает мне только больнее. Я теперь не пара ей. Не могу коснуться даже. Не достоин. Моё тело осквернено. И душа тоже. Но разве могу объяснить им такое? Разве можно вообще подобное объяснить?

Последние одиннадцать дней я мысленно переживаю этот кошмар снова и снова... На бесконечном репите. Его потные руки... боль, как будто меня выворачивают наизнанку. Потеря сознания. Вот прихожу в себя, брошенный прямо со спущенными штанами на полу аудитории. Сколько прошло времени? Полчаса? Час? Вечность? Сколько он делал со мной это? Труссы вымокли в моей крови и его сперме. Такое чувство, что меня выпотрошили и выкинули за ненадобностью, ведь кому я могу рассказать? Кто мне поверит? Лёгкая жертва, которую можно использовать, не опасаясь последствий. Боль адская. Не помню, как добрался до кровати в общежитии. Гриша и Бодя в это время где-то шлялись, а когда они пришли, я уже отключился.

Мне больше никогда не быть прежним. Есть только до и после.

Кровать поскрипывает, когда Полина садится рядом со мной. Хорошо, что я лежу к ней спиной. Так она не может видеть моё лицо. Чувствую, как из правого глаза первая предательская слеза скатывается на подушку.

— Ну, пожалуйста, Русь. Не пугай меня. Ты не ешь ничего. Мне ребята сказали. Видимо, аргументы у неё закончились.

Ладонь Полины дотрагивается до моей головы. Вздрагиваю. Она тут же убирает руку, но не уходит.

— Я противна тебе? Я ничего не понимаю, правда. Ничего.

Её голос надламывается, режа моё сердце лучше наточенного ножа.

Слышу, как Бодя прокашливается и уводит Гришу из комнаты, давая Полине возможность побыть со мной наедине. Авось дело и сдвинется с мёртвой точки. В прямом смысле этого слова. Да и никому не хочется быть лишним свидетелем при таком личном разговоре.

— Ты исхудал так. И это при том, что и раньше худой был. Бледный такой... Как смерть. А я... Я не знаю... Не понимаю, чем могу помочь тебе. Мне казалось, что мы... друзья. Нет, даже больше! Но ведь друзья разговаривают друг с другом, а не закрываются в себе.

Шмыгает носом, утирая слёзы краем рукава, по всей видимости.

— Пожалуйста, если не хочешь говорить и пока не готов ходить на пары, поешь хотя бы. Начни с малого. Что бы ни случилось, это не стоит того, чтобы голодом себя морить.

Тебе нужны силы, чтобы справиться... с чем бы то ни было.

Кровать снова треснула, неохотно отпуская её.

Полина ушла, оставив меня одного с пакетом фруктов и питьевым йогуртом на моей тумбочке, которые принесла мне.

Богдан с Гришей не зашли в комнату после её ухода. Наверное, им уже порядком надоело видеть меня таким. Как связаться с моими единственными родственниками — не знают. Да и незачем беспокоить тётку, сестёр и брата. Полина была их последней надеждой привести меня в чувства.

Полина. Полина. Полина. Это имя кто-то буквально высекает горячим железом у меня в сознании. Она ведь до сих пор ходит к нему на занятия...

Эта мысль подрывает меня с кровати лучше любых слов. Начинаю ходить по комнате взад-вперёд. А что если... В памяти всплывают обрывки перешёптываний одногруппниц о том, что Пискунов как-то странно смотрит иногда на них, что аж исчезнуть на месте хочется. Раньше я от подобного отмахивался, считая, что его попросту недолюбливают за странности. Но не сейчас. Страх придаёт мне силы. Страх не за себя. За Полину.

Взгляд упирается в полку с книгами. Робеспьер магнитом притягивает к себе. Протягиваю руку и хватаю с полки книгу. Она придаёт мне силы. Всегда придавала.

Робеспьер. Робеспьер. Ну конечно! Это же очевидно! Цель всегда оправдывает средства.

Щелчок. Перед глазами мелькает новорождённый брат на руках отца, недавно убивший мать... Щелчок. Подрагивающий в предсмертных конвульсиях мышонок... Щелчок. Бродячие коты с обрубленными хвостами... Щелчок. Игорь, отрицающий, что он насмерть забил булыжниками соседского кота... Щелчок... Гриша в этой самой комнате, в предсмертном состоянии из-за местных дилерков... Щелчок. Разговоры девочек... Щелчок. Потные руки, удерживающие меня... Щелчок. Трусы, пропитанные чужой спермой и моей кровью...

Как всё было просто! Так просто! Ещё с семи лет, когда жизнь дала мне первое испытание, которое я должен пройти, чтобы стать собой, чтобы все пазлы сложились. Ещё с того времени, как эта книга впервые попала ко мне. Я просто не видел. Или не хотел видеть? Не решался взваливать на себя такую огромную ответственность? Боялся? Но теперь я готов. Прежнего мальчика больше нет. Он умер. Да здравствует Робеспьер!

Но моё предназначение куда глобальнее, чем у предшественника. У прошлого Робеспьера была цель всего лишь освободить людей на маленьком клочке земли, основать республику, а у нынешнего — дать людям лучший мир, очистить планету от тех, без кого она станет лучше! Кто-то должен умереть, чтобы остальные могли жить! Это и будет моя революция. Революция длиною в жизнь.

Нужно только всё хорошенько продумать. Нужно составить план. Пока в моём списке только трое людей. Вернее — нелюдей. Причём имени одного, который чуть не угробил Гришку, я не знаю. Нужно действовать крайне осторожно. Строго соблюдать последовательность.

« ... Если в мирное время орудием народного правления является добродетель, то во время революции орудием его является и добродетель, и террор одновременно: добродетель, без которой террор гибелен, террор, без которого добродетель бессильна. Террор есть не что иное, как быстрая, строгая, непреклонная справедливость;

следовательно, он является проявлением добродетели ... »

« ... Нельзя приготовить омлет, не разбив нескольких яиц ... »

Не бывает революции без самой революции.

Приступ неудержимого смеха душит меня изнутри. Даже разорванный анус больше, кажется, не болит.

Бережно, любовно кладу книгу обратно на полку.

Подхожу к тумбе и вынимаю из пакета с фруктами самое большое, красное яблоко.